

Вклад Александра Меня в толкование русской истории

История не повторяется. И все-таки бывает так, что в голосах дня нынешнего явно слышится что-то из прошлого. Именно это для многих наблюдателей происходило в Екатерининском зале московского Кремля за несколько дней до 24 февраля 2022 года. Владимир Путин сидит примерно в пятидесяти метрах от своего Совета Безопасности, члены которого – в большинстве своем мужчины – расположились полукругом. Перед лицом верховной власти они не выглядят уверенными. У Сергея Нарышкина, директора могущественной Службы внешней разведки, дрожит голос. Он путается в словах. Можно «нашим западным партнерам дать последний шанс»? – в противном же случае России придется принимать решение, о котором идет речь [на заседании]. «Что значит “в противном случае”? – перебивает Путин с ухмылкой. – Вы предлагаете начать переговорный процесс?» Нарышкин колеблется: «Нет, я...» Путин снова перебивает: «Или признавать суверенитет их, республик?» Нарышкин заикается: «А я...» Путин откидывается назад: «Говорите прямо!» Нарышкин пытается юлить: «Я поддерживаю предложение...» Путин перебивает его: «Поддержу? Или поддерживаю?» – «Поддерживаю предложение о вхождении Донецкой и Луганской народных республик в состав Российской Федерации», – следует ответ. Путин снова усмежается: «Мы об этом не говорим». Камера фокусируется на других членах Совбеза, которые взирают на происходящее с застывшими лицами.

За спинами участников этой сцены маячит фигура Сталина. Возможно, в данном случае Путину приписывают слишком многое, но все-таки подобное публичное унижение, как и показательные процессы – это явно что-то из сталинского репертуара (как, впрочем, и из репертуара Мао Цзэдуна времен «культурной революции»). Александр Мень – православный священник и теолог, убитый 9 сентября 1990 года², под

Кlaus Mertens (р. 1954) – редактор немецкого журнала «*Stimmen der Zeit*».

- 1 Сокращенный перевод выполнен по: MERTES K. *Kult um den Autokraten. Alexander Mens Beitrag zur Deutung der russischen Geschichte* // *Stimmen der Zeit: Die Zeitschrift für christliche Kultur*. 2022. № 5. S. 323–334. Текст печатается с любезного разрешения редакции журнала и автора, предоставленного «НЗ» в августе 2022 года.
- 2 «*Stimmen der Zeit*» уже обращался к наследию Александра Меня, см.: НАМАНТ Y. *Alexander Men. Priester in Zeiten der Säkularisierung* // *Stimmen der Zeit*. 2020. № 9. S. 665 ff.

занавес перестройки, – в одном из своих сочинений размышлял о связи между религией, культом личности и секулярным государством³. В свете внутренней эволюции, переживаемой Россией при Путине, этот текст стоит перечитать еще раз – не в последнюю очередь потому, что Мень остается голосом русского православия, резонирующим и сегодня. Причем его позиция противостоит иной русско-православной перспективе, запечатленной, скажем, в заявлениях патриарха Кирилла, который обвиняет в нынешнем конфликте Запад. Мень, вероятно, расценил бы нынешние страницы российской истории как скоропостижный конец светлой надежды, жестоко обманутой суровой реальностью. Во-первых, об этом свидетельствует единый фронт государственной власти и православной церкви. Во-вторых, он проявляется в отношении к правозащитным организациям – таким, например, как «Мемориал», вся деятельность которого была посвящена документальному изобличению преступлений сталинизма. Наконец, в-третьих, его подтверждает и ретроспективная идеализация Сталина, в том числе и в православных кругах, причем начавшаяся довольно давно⁴.

МИФОЛОГИЗИРОВАННЫЙ ЛИДЕР

Мень начинает свое повествование с воспоминания юности. После того, как его одноклассник погиб из-за несчастного случая на тренировке, «находившиеся рядом с ним в последние минуты рассказывали, что, умирая, он говорил со Сталиным, который пришел взять его к себе». Прежде Мень никогда не замечал у своего школьного товарища особой «идейности» и потому был встревожен. «В тот момент, – пишет он, – у меня впервые мелькнула догадка: “Ведь это религия!”». А отсюда возникал вполне естественный вопрос: «Как это могло случиться? [...] Каким образом человек, действовавший у себя дома как завоеватель на оккупированной территории, смог оказаться в роли земного божества?»

Что не кажется Меню убедительным, так это психологизированные отсылки к характеру Сталина – весьма похожие, кстати, на современные попытки объяснить нынешнюю эскалацию особенностями путинского характера. Мень полагает,

3 См.: MENS A. *Religion, "Personenkult" und säkularer Staat* // ПОСНОШАЈЕВ И. *Stellen wir die Altäre auf... Alexander Men zum Verhältnis von Kirche und Staat*. Frankfurt am Main: Lembeck, 2007. S. 88–136. [Статья Александра Мень «Религия, “культ личности” и секулярное государство. Заметки историка религии» ниже цитируется по ее оригинальной русскоязычной версии. См.: www.alexandermen.ru/books/trudnput/relocultl.html – Примеч. перев.]

4 Ср., например: WINDISCH E. *Ikone: Russland streitet um Stalin* // Tagesspiegel. 2008. 29 November (www.tagesspiegel.de/gesellschaft/panorama/russland-streitet-um-stalin-6220126.html).

что проблема гораздо глубже. Приписывание же Сталину гениальности, пусть даже извращенной, представляется ему столь же ошибочным шагом: «Он не обладал ленинским интеллектом, не был великим писателем, как Юлий Цезарь, не проявил личной отваги. [...] Он даже не был блестящим оратором, способным заразить толпу своим энтузиазмом». Предположение, будто Сталина – который, кстати, был грузином – можно считать «явлением чисто российским», тоже неверно, ибо «как тогда объяснить аналогичные явления в других странах: обожествление Мао Цзэдуна, диктатуру Пол Пота, [...] автократию (пусть иначе окрашенную) в Германии, Италии?». Подлинную причину заинтересовавшего его феномена Мень усматривает скорее в особом внутреннем напряжении, в котором постоянно пребывает человек: в этом узле, рассуждает автор, переплелись, с одной стороны, общечеловеческое «стадное сознание», требующее подчинения жесткой руке, а с другой стороны, «извечное и оправданное стремление человеческого духа обрести высшую истину, смысл бытия». Если первое стремление можно записать в разряд атавизмов, то второе характеризует человека как существо культурное и духовное. Успех сталинщины Мень объясняет тем, что, «создав религиозный вакуум, она соединила в общее русло атавистические и духовные стремления людей, сумела слить в сознании народа верховный идеал, “меру всех вещей”, с мифологизированной фигурой Вождя и тем самым наделила его атрибутами божественности и безграничной власти».

Подобное положение вещей Мень считает «глубоко трагичным». Переосмысление сталинизма, согласно его убеждению, требует более глубокого просвещения – или, говоря точнее, самопросвещения – человеческой природы, а затем и нового толкования под этим углом зрения всей российской истории. Мень уверен, что подобный разворот поначалу будет воспринят значительной частью людей, вовлеченных в свое время в поддержание сталинского культа, как посягательство на их самые сокровенные убеждения – и это наполнит процесс ловушками и опасностями. Глядя из дня сегодняшнего, следует, наверное, добавить и еще кое-что. После памятного 1989 года Запад так и не смог разобраться в том невероятно запутанном положении, которое к тому времени сложилось в России. Не распознав всей сложности ситуации, он предрекал россиянам западное счастье потребительского типа, символами которого выступали «McDonalds» и «Mercedes». Получилось же так, что сегодня, когда коммунизм как источник осмысленности иссяк, старые мифы, подогнанные под современность, вновь начали обслуживать потребности русских людей – в плане как поисков высшего смысла, так и подчинения сильному лидеру.

КУЛЬТ ПРАВИТЕЛЕЙ И СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ

Но вернемся все же к культу Сталина, поскольку Мень пытается встроить «псевдорелигию» сталинизма в мировую историю религий. Он хочет подвергнуть ее теологической деконструкции, чтобы в результате этой процедуры остался не просто вакуум, заполненный богатыми полками супермаркетов и сверкающими фасадами банков. «Начать придется издалека, с седой древности», – говорит наш автор. Старейшая из известных форм власти была основана на магии: таком представлении об извечном космическом порядке, которому, с одной стороны, необходимо подчиняться, но на который, с другой стороны, можно влиять с помощью особых магических обрядов. На смену магизму приходит культ монарха, обожествленного царя. Сила божественного правителя, однако, не абсолютна: он не способен пренебрегать законами космоса, но должен следовать им и охранять их. Иначе говоря, ему необходимо быть благочестивым. Именно таким образом полагаются пределы понятия единоличного правления, которые в древнем Израиле и Афинах поступательно расширяются. Более того, пророческая традиция Израила усматривает в царской власти лишь «терпимое зло, своего рода уступку несовершенству людей» – отступничество от Бога-Творца, который вовсе не желает быть частью государственной машины (1 Цар. 8:7). Так же и образованные классы эллинистической эпохи относились к желанию своих правителей снабдить себя культовым антуражем – скорее со скепсисом и иронией; ярким примером тому служит Александр Македонский. Тот, кто раз распознал плацебо как таковое, уже не сможет обманывать себя, выдавая его за настоящее лекарство. Особенно четко это прослеживается на примере культа римского императора и сакрализации власти в Средиземноморье. «На сей раз политический расчет, граничащий с цинизмом, был особенно очевиден, – пишет Мень. – Для Августа культ его личности являлся лишь инструментом в политической игре».

Христианство, явившись, превратилось в духовную силу, радикально отвергнувшую культовое почитание главы государства. Принимая существующий порядок – «ведь при всем своем несовершенстве Римская империя унаследовала и развивала греческую идею права, законности», – оно тем не менее выдвинуло на первый план свободу совести. «Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам», – говорится в Новом Завете (Деян. 5:29). Иначе говоря, новая религия присвоила себе право критиковать деятельность императора (смотри, например, Апокалипсис Иоанна Богослова). Христа же она представляла «Ликом Вечности», никак не годившимся в качестве проекции

потаенных желаний правителей. Провозглашение христианства государственной религией, состоявшееся в 313 году при императоре Константине, открыло, по мнению Меня, во многом «трагический для Церкви период», поскольку «в свете Евангелия сами идеи “государственной религии” и “христианского государства” представляются весьма сомнительными и спорными». В итоге оно обернулось «религиозно-политическим диктатом, “христианскими” гонениями против инакомыслящих». К провидцам, предчувствовавшим подобный исход политического союза престола и алтаря и противившимся ему, Меня экуменически причисляет таких христианских деятелей, как Иоанн Златоуст, Ян Гус, Филипп Московский, Франциск Ассизский, Андрей Рублев. Этих персонажей он считает кем-то вроде ветхозаветных пророков Израиля.

КЛАУС МЕРТЕС
КУЛЬТ АВТОКРАТА

После памятного 1989 года Запад так и не смог разобраться в том невероятно запутанном положении, которое к тому времени сложилось в России. Не распознав всей сложности ситуации, он предрекал россиянам западное счастье потребительского типа, символами которого выступали «McDonalds» и «Mercedes».

С утверждением конфессионального плюрализма, произошедшим в западной церкви после Возрождения и Реформации, начинается переход к секуляризации власти. Проблема автократии, полагает Меня, не разрешилась, но была вытеснена в светскую плоскость:

«Теории Макиавелли оправдывали одну из сильнейших человеческих страстей – волю к власти. [...] Поэтому “макиавеллизм” стал в высшей степени заманчивой моделью для автократии, стремившейся освободиться от религиозных ограничений».

Вместе с тем отделение церкви от государства, осмысление человека в качестве высшей ценности и развитие научного мышления стимулировали становление и распространение демократии как новаторской формы правления. В этой связи очередной «трагической главой в истории христианства» стало то, что «многовековая инерция, привычка видеть в религии форму государственной идеологии» привели к сопротивлению церкви поступательному утверждению демократии и секуляризма. Платой за это среди прочего стало оформление светской версии библейской эсхатологии, выраженной в без-

границной вере в прогресс, которая сделалась характерной чертой Нового времени.

ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ В РОССИИ

Затем Мень обращается к «российскому варианту» европейского религиозно-исторического развития. Указывая на тот факт, что в период трех революций 1905–1917 годов основную массу населения России составляли верующие, без участия которых революционные события были бы невозможны, он задается вопросом: «Но если разрушение старого порядка осуществлялось руками верующих, то как понять все дальнейшее развитие событий?». Речь идет, конечно же, об эскалации государственного насилия в отношении религии в Советском Союзе.

Еще в самом начале своей истории Киевская Русь переняла от Византии концепцию «симфонии» государственной и церковной власти. На основе этой концепции церковь успешно боролась с центробежными силами, исходившими от различных княжеств. Во времена монгольского владычества она помогла сохранить русскую национальную культуру. В XVI веке Россия расширилась при Иване IV Грозном. Именно он первым из русских владык венчался на царство – одновременно отвергнув «нравственный авторитет церкви, которая в лице митрополита Филиппа выступила против его кровавой тирании». Примечательно, что в 2016 году, когда в Орле открывался памятник Ивану Грозному, ректор Московского государственного университета в своем обращении назвал тирана не иначе как «символом российской государственности»⁵. В свою очередь Путин восхищается тем, как Иван IV защищал русское православие от католицизма; при этом убийство царем собственного сына Ивана президент считает легендой, придуманной мстительным папским нунцием⁶. Так или иначе, но в Смутное время, последовавшее за кончиной Ивана IV, церковь сыграла выражено патриотическую роль. Когда же монархия восстановила свои силы, государство вновь набросилось на церковь. Упразднив патриаршество, пишет Мень, Петр I учредил синодальную систему, полностью подчинявшую церковь самодержавию.

Накануне революций 1905–1917 годов Русская православная церковь находилась в полнейшей зависимости от государства. Подобный союз креста и престола подрывал доверие

5 Цит. по: Ректор МГУ им. М.В. Ломоносова Виктор Садовничий поздравил губернатора Орловской области с установкой памятника царю Ивану Грозному (<http://orel-region.ru/index.php?head=1&op=news&unit=8237>). – Примеч. перев.).

6 См.: SCHMID U.M. *Putins Welt. Geschichte ist Gegenwart* // Neue Züricher Zeitung. 2022. 3 März.

к церкви, причем со стороны как народа, так и интеллигенции. В то же время, впрочем, по словам Меня, «нравственная энергия христианства перетекала в русло нерелигиозных, оппозиционных, освободительных движений». Именно по этой причине, как он полагает, верхушка русского православия увидела в крушении монархии прежде всего возможность для коренного обновления. С торжественной интронизацией патриарха Тихона (1865–1925), состоявшейся 5 ноября 1917 года, Русская православная церковь впервые за 217 лет обрела первоиерарха. Октябрьская революция повлекла за собой отделение церкви от государства: страна открылась для конфессионального плюрализма. Мень в этой связи цитирует Ленина:

«Ни один чиновник не должен даже иметь право спрашивать кого ни на есть о вере: это дело совести, и никто тут не смеет вмешиваться. Не должно быть никакой “господствующей” веры или церкви». Декретом Совета народных комиссаров от января 1918 года устанавливалось, что отныне «каждый гражданин может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой».

Мень полагает, что необходим более нюансированный взгляд на новое начало, открывшееся после 1917 года:

«Думается, уже давно пора расстаться с легендой, которая все еще кочует из книги в книгу, будто патриарх Тихон предал новую власть анафеме. Он лишь отлучил от таинств тех верующих, которые участвовали в беззакониях, жестокостях, расправах».

Согласно Меню, последовавшая затем «настоящая война против религии» была обусловлена среди прочего и тем, что «значительная часть иерархов и церковных людей оказалась неготовой к радикальным переменам и отнеслась к ним с открытой или молчаливой враждебностью». Надежды же новаторов, высказывавшихся в поддержку советской власти, оказались на деле не более чем иллюзиями. Попытка митрополита Сергия спасти положение своим заявлением о капитуляции, обнародованным 29 июля 1927 года, не остановила гонений, которые государственная власть обрушила на православную церковь и остальные конфессии. Антирелигиозная пропаганда переключилась на продвижение светской эсхатологии. Мень цитирует стихотворение Сергея Есенина «Инония» (1918), в котором пророк новой, антирелигиозной религии проклинает старый, религиозный мир:

Языком вылижу на иконах я
Лики мучеников и святых.
Обещаю вам град Инонию,
Где живет божество живых

Новый на кобыле едет к миру Спас.
Наша вера – в силе.
Наша правда – в нас!

Здесь словно готовится «явление» Сталина. В начале Второй мировой войны этот «новый Спас» снова признал значимость Русской православной церкви для патриотического сплочения народа. Устранив православных новаторов, он укрепил традиционалистскую линию митрополита Сергия, избранного в 1943 году патриархом.

Рассуждая о культе Сталина, можно было бы согласиться с Марксом в том, что «насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым». Однако Мень подчеркивает реакционный, а не революционный характер событий, развернувшихся с утверждением сталинизма. Уже к 1929 году, когда началась расправа с крестьянством, отделение церкви от государства обратилось в полную зависимость первой от второго. Примеряя на себя светский вариант тирании, подобной правлению Ивана IV, Сталин провозглашает себя «отцом народов». Тем самым он заполняет религиозный вакуум, возникший из-за политической линии на искоренение религии. Мень, не скрывая иронии, пишет:

«Его силой встает солнце, его силой держатся крылья орла в небе. [...] Если ты ранен в бою, не отчаивайся, “рану зажми, слезы утри, имя заветное вслух повтори”, и тогда “с воздухом синим, с течением рек силу пришлет тебе тот человек”. Он царит повсюду».

Вопреки позиции религиозной критики, которая преуменьшает значение культа Сталина, ссылаясь на то, что религия во все времена использовалась не столько по назначению, сколько с целью легитимации насилия, Мень считает, что сталинизм был основан на сознательном воспроизводстве лжи. Кроме того, в той мере, в какой антирелигиозная пропаганда могла изображать священнослужителей прежнего культа лишь циничными сказителями, стремящимися одурачивать народ, она открывала для себя возможность вопреки всем противоречиям поставить ложь на службу истинному культу – культу правителя. По мнению Мень, даже убежденный атеист должен уметь признать, «что идея Верховного Добра и Разума, которая требует от человека этического поведения, содержит глубокий духовный смысл». По этой причине он настаивает на том, что, хотя могут существовать различные точки зрения на исторические религии, «в отношении культа Сталина двух мнений быть не должно, если мы не хотим снова вернуться в кровавый хаос».

Оглядываясь назад, на опыт диктатур XX века, Меня усматривает в нем возможность «увидеть “со стороны” облик духовной тираннии, патернализма, игры на инфантильных чувствах и массовых невзрозах» – а это в свою очередь позволяет извлечь уроки на будущее. По мнению Меня, противоядие от возврата к культу личности «связано с честным и последовательным принятием принципа секулярного государства, которое служит интересам граждан независимо от их вероисповедания». Таким был язык надежды времен перестройки. Сегодня же, тридцать лет спустя, приходится с сожалением констатировать, что эта надежда совсем не оправдалась. Идеологически путинская Россия, да и сам Путин апеллируют к той форме патриотизма, которая значительной частью населения воспринимается как «типично русская» и которая абсурдным образом «перекидывает мосты» и к Сталину, и к православной церкви.

В той мере, в какой антирелигиозная пропаганда могла изображать священнослужителей прежнего культа лишь циничными сказителями, стремящимися одурачивать народ, она открывала для себя возможность поставить ложь на службу культу правителя.

Осознавать это больно, особенно если принять во внимание, что такой мужественный человек, как Александр Солженицын, лауреат Нобелевской премии по литературе 1970 года и сам жертва сталинского террора, автор «Архипелага ГУЛАГ» и яркий христианский подвижник, в путинское время считается одной из эталонных фигур. Вернувшись в постсоветскую Россию и увидев эксцессы «дикого капитализма» ельцинской эпохи, Солженицын не только приветствовал начатое новым президентом «наведение порядка», но и рекомендовал объединить Россию, Белоруссию и Украину в одно государство.

Западные представления о российском лидере в очередной раз оказываются несостоятельными, поскольку в них упускается из виду тот факт, что все происходящее, по выражению Мишеля Ельчанинова, «в голове Путина», не ограничивается только этой самой головой⁷. Представители славянофилов XIX столетия, подобные Николаю Данилевскому, антибольшевистские писатели-эмигранты, а также современные интеллектуалы, убежденные в уникальности русской культуры и

7 Упомянув здесь имя французского философа, эссеиста и журналиста, автор имеет в виду следующую его книгу: ELTSCHEANINOFF M. *Dans la tête de Vladimir Poutine*. Arles: SOLIN – Actes sud, 2015. – *Примеч. перев.*

выстроившие на этой аксиоме все свое мировоззрение, в путинское правление выходят из забвения или набирают популярность. К подобным фигурам следует, в частности, отнести Ивана Ильина (1882–1954), чьи останки в 2005 году были перевезены из швейцарского Цолликона в Россию и перезахоронены в Москве. Такие произведения Ильина, как книга «Сущность и своеобразие русской культуры» (1944) или представляющая апологию воинствующего христианства статья «О сопротивлении злу силой» (1925), цементируют фундамент для патриотического переосмысления православия и формирования новой, еще более устойчивой «симфонии» церкви и государства, которая, не нуждаясь далее в отмежевании от антирелигиозного сталинизма, может возродить свои прежние религиозные смыслы. С помощью подобного инструментария последовательному переосмыслению подвергается вся история прошлого века.

Глубокое разочарование, вызываемое подобным развитием событий, укоренилось в реформаторских кругах еще со времен перестройки. Оно хорошо просматривается в коротком интервью с Людмилой Улицкой, российской писательницей и лауреатом Премии Александра Меня (2008)⁸, записанном в конце февраля 2022 года:

«Frankfurter Allgemeine Zeitung»: Поддерживает ли большинство российского населения точку зрения, согласно которой Украина принадлежит России?

Людмила Улицкая: Полагаю, многие в России разделяют такую позицию.

FAZ: Чем Европа может помочь в сложившейся ситуации?

Л.У.: Я думаю, ничем. Ведь это не вопрос экономики, здесь необходимо менять мышление».

Отвечая на вопрос, касающийся возможности потери Путиным поддержки политической и военной элиты – этой надеждой, как известно, на сегодняшнем Западе тешат себя многие, – писательница говорит: «Думаю, определенная вероятность есть. Но переход власти в руки военных вряд ли сулит стране что-то хорошее. А альтернативной политической силы в России сейчас просто нет»⁹.

Что же касается православия, то здесь отрезвляющая истина состоит в том, что «линия Сергия», которую уже Мень в свое время считал возобладавшем в Московской патриархии трен-

8 Премия Александра Меня до 2011 года присуждалась Католической академией Роттенбург-Штутгарт за особый вклад в культурное сближение России и Германии «в интересах мирного и гуманного построения общеевропейского дома».

9 См.: *Es gibt in Russland keine Kraft, die Putin stoppt. Ljudmila Ulitzkaja im Interview von Simon Strauss // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2022. 28 Februar (www.faz.net/aktuell/feuilleton/schriftstellerin-ljudmila-ulitzkaja-warum-niemand-putin-stoppt-17838388.html).*

дом, получила дальнейшее развитие и теперь формирует облик русского православия. Разумеется, культ личности Путина не сможет достичь высот культа личности Сталина. Но в том и нет нужды, поскольку в рамках русской православной традиции носители государственной власти традиционно воспринимают и представляют самих себя в религиозном ключе. Взаимное инструментальное использование государством и церковью друг друга принимается населением, которое, как и Путин, воспринимает распад Советского Союза как национальную катастрофу, усугубленную двусторонним унижением – от экономического упадка страны и от потери ею статуса мировой державы. Мень писал свой текст в то время, когда национальная гордость русского народа находилась в низкой точке. Между тем сегодня две трети населения России идентифицируют себя с православием, что хорошо сочетается с подъемом национальной гордости и обособлением от западного культурного влияния. Ценой же описанного конструкта оказываются полнейший отказ от критической оценки взаимоотношений церкви и государства после октябрьской революции 1917 года, а также нежелание сторонников православия взглянуть на себя «со стороны», на что Мень и другие очень надеялись в перестроечные времена.

КЛАУС МЕРТЕС
КУЛЬТ АВТОКРАТА

Сокращенный перевод с немецкого Маргариты Шакировой